

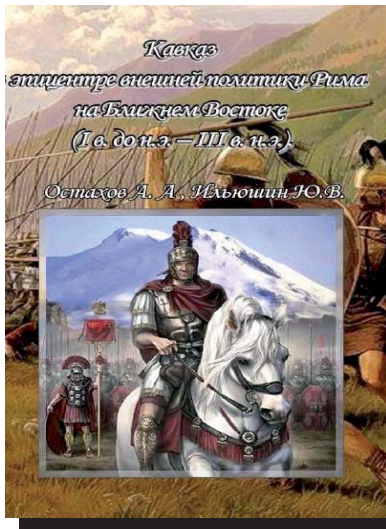
А.А. Остахов, Ю.В. Ильюшин
**Кавказ в эпицентре внешней политики Рима
 на Ближнем Востоке (I в. до н. э. – III в. н. э.)**

(Пятигорск: Издательство «Пятигорский государственный гуманитарно-технологический университет», 2012. 228 с.)

Рецензируемая книга привлекает своим названием и актуальностью темы. История Кавказа римского времени у нас еще не написана. Имеющиеся на русском языке издания трактуют ее либо в рамках историй отдельных государств (Грузии, Армении, Азербайджана), реже – республик Российской Федерации, либо в контексте общей истории древнего мира. А здесь – книга с таким обещающим, на первый взгляд, заглавием. Однако в нем содержится истораживающая неточность, причем двойная: эпицентром называют проекцию центра над- или подземного события, а здесь явно подразумевается земная территория – это первое; второе – даже с заменой слова «эпицентр» на «центр» остается непонятным, каким образом Кавказ может рассматриваться в качестве центра всего Ближнего Востока с его Египтом, Аравией, Месопотамией, Ираном. Начальная ошибка обычно настраивает читателя на критический лад, который затем трудно поменять. Конечно, бывает, что первое впечатление оказывается обманчивым. К сожалению, это не наш случай. Дальнейшее чтение усугубляет негативное впечатление, и вот по какой причине.

Кавказ в римской политике – тема для специалистов по античной истории. Авторский дуэт из Пятигорска к таковым не относится. Анзор Аристархович Остахов, кандидат исторических наук, кавказовед, защищал диссертацию по теме «Состояние военного искусства адыгов в XV–XIX вв.». Юрий Валерьевич Ильюшин – ныне кандидат технических наук. Занятия древним Кавказом, тем более древним Римом для обоих – хобби, не серьезная исследовательская работа. Мы знаем удачные исторические книги, написанные дилетантами (не будем здесь перечислять), но в основе этих удач лежали широкая эрудиция, глубокие знания, живой интерес к теме, упорная работа над собой. Этого нельзя сказать в отношении рецензируемой книги.

Первый вопрос, который стоит перед автором, приступающим к реализации своего замысла, – в каком жанре создавать произведение. С определением жанра у наших авторов проблемы. В аннотации книга объявлена как «монография», написанная в «научно-популярном стиле». Монография относится к жанру научной прозы, а научное исследование по древней истории требует самостоя-

тельной работы с оригинальными источниками, в данном случае – на греческом и латинском языках, и изучения обширной мировой историографии, в том числе на иностранных языках. Ни того, ни другого в книге нет. Полностью отсутствует научный аппарат ссылок на источники и литературу. То, что есть – это некритичное и плохо осмысленное переложение информации, заимствованной из литературы разного уровня и калибра. Я не проверял книгу по методике «Диссернета», но частые дословные совпадения цельных кусков текста побуждают думать, что авторы широко пользовались возможностями Интернета, чтобы скомпилировать книгу, похожую на научный труд.

Если не монография, то что? Научно-популярный труд? Но должно быть ясно, что в этом определении также присутствует понятие «наука», которую ученые, обладающие соответствующими знаниями, популяризируют в простой и понятной форме для широкого читателя. Не подходит и эта дефиниция. Я полагаю, что книга близка выходящему из моды жанру курса лекций, причем предназначенному (в конкретном случае) не для историков, а для специалистов другого профиля: например, студентов военных или технических вузов. В качестве пособия по факультативной дисциплине такая книга могла бы принести пользу – конечно, если не содержит заведомо неверных либо ложных сведений и концепций. Проверкой информации на достоверность мы и займемся.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, подборки карт и приложения с цветными иллюстрациями, где приведены современные реконструкции вооружения и боевых порядков того времени. Материал расположен в хронологическом порядке (выдерживается не всегда), наряду с политическими событиями много внимания уделяется военным вопросам.

Глава 1-я «Истоки и начало продвижения Рима на Ближний Восток» охватывает период от первых военных контактов с восточными странами (начало II в. до н. э.) до окончания войн с Митридатом Евпатором, царем Понта. До поры до времени Рим был занят делами на Западе и только после решительной победы над Карфагеном в Пунических войнах обратился к Востоку. Продвижение в этом направлении также сопровождалось многочисленными

войнами. Авторы более подробно останавливаются на войнах с наиболее крупными эллинистическими государствами: три Македонские – с Македонией (215–205, 200–197, 171–168 гг. до н. э.), Сирийская – с Селевкидами (192–188 гг.), и, наконец, три Митридатовы войны (89–84, 83–81, 74–63 гг. до н. э.), которые и привели римские легионы на Кавказ. Пересказ известных событий в общем верен, я бы добавил эпизод с бегством из Карфагена Ганнибала, после чего он нашел прибежище вначале при дворе Селевкидов, затем при дворе армянского царя Арташеса (признается не всеми); тогда переход от западной политики Рима, центром которой была борьба с Карфагеном, к восточной был бы продемонстрирован более наглядно. Первой кампании Рима на Кавказе – кампании Помпея Магна (65–64 гг. до н. э.) отведен отдельный параграф. Описание военных замыслов, переходов, маневров и битв заканчивается выводом о том, что в результате похода был образован «сплошной пояс от Черного до Каспийского моря» из вассальных государств Колхиды, Иберии, Албании. Каково было его назначение – важный вопрос. Авторы книги называют три задачи, которые преследовал Помпей (помимо преследования Митридата): установление владычества Рима в регионе; создание прочного барьера против набегов северокавказских кочевников; защита транскавказского торгового пути от Каспия до Черного моря. Эти три причины первого кавказского похода имели неодинаковое значение, в литературе по этому вопросу идут длительные споры, которых авторы предпочли не касаться. Помимо Кавказа, в числе «стимулов римской экспансии на Восток» отмечена борьба Помпея с киликийскими пиратами, терроризировавшими сообщение по Средиземному морю: вывод приемлемый, но, поскольку эти события (67 г. до н. э.) предшествовали III Митридатовой войне и кавказскому походу, лучше было бы включить рассказ о них в описание восточных походов Помпея, иначе теряется хронологическая и причинная связь. И пожелание общего характера: при изложении событий иногда обращаться к теории. В частности, не мешало бы (вероятно, в начале главы) обсудить вопрос о характере «римского империализма» (основные концепции – агрессивный и оборонительный), по которому существует большая литература.

2-я глава – «Кавказский лимес в рамках наращивания внешней политики Рима на Ближнем Востоке» (название, пожалуй, несколько корявое) состоит из четырех параграфов. В первом, «Эскалация восточной политики Рима (I в. до н. э. – III в. н. э.)», отмечено, что особенность римской политики на Востоке в этот период заключалась в наличии постоянного и сильного соперника за гегемонию на Ближнем Востоке, каким было Парфянское, а с 224 г. н. э. (в книге дана устаревшая дата – 226 г.) – Сасанидское (Новоперсидское) царство. Вновь основное место занимает описание войн, битв и походов. Слишком бегло освещен поход Траяна (113–117 гг.), а ведь именно он мог бы помочь ответить на вопрос, вынесенный в начало книги: «Почему римлянам не удалось повторить грандиозный поход Алек-

сандра Македонского на Восток?». Траян, едва ли не единственный из римских правителей, всерьез нацеливался на повторение похода Александра в Индию (свидетельство Диона Кассия). Неверно считать, что его планы ограничивались только тем, чтобы «окончательно решить восточный вопрос и аннексировать Армению». Этого было мало преисполненному амбиций «лучшему императору»: его целью был полный разгром и аннексия Парфянского царства; лишь в конце похода (116 г.) он согласился на определенный компромисс, возведя на парфянский престол своего ставленника Партамаспата. Переход власти от парфянских Аршакидов к персидским Сасанидам (224 г.) никак не выделен в качестве этапного, хотя политика Сасанидов, подпитываемая идеологией персидского возрождения, стала с этого момента гораздо более агрессивной, а сопротивление римлянам – более активным. Именно в этот период римский император Валерий попал в плен (260 г.) к Шапуру I Сасаниду, но я бы на месте авторов не стал безоглядно доверять рассказам о страшных издевательствах над ним в плену и жутким подробностям его казни, почерпнутым из недостоверных источников. Описание «эскалации римской политики» достаточно искусственно заканчивается рубежом III века: последнее событие – римско-персидский договор 298 г., закрепивший завоевания Галерия (соправитель императора Диоклетиана) в Месопотамии, но характер взаимоотношений двух держав не менялся принципиально и в дальнейшем, о чем пишут сами авторы: «Римско-персидское противостояние на этом не закончилось». В качестве вывода – достаточно неожиданного, потому что не вытекал из предшествующего повествования, – предложен тезис, что «основным театром борьбы» была Армения; тезис, без дополнительных аргументов остающийся спорным, так как военные действия чаще развертывались на территории северной Сирии и Месопотамии. Зато этот вывод позволяет перекинуть мостик к основной теме: Кавказ в римской политике.

Этой теме посвящены три остальных параграфа главы. В параграфе «Кавказский лимес как следствие римской экспансии на Ближнем Востоке» рассматриваются вопросы создания и функционирования Кавказского лимеса (оборонительной системы). Я опубликовал по этому вопросу статью в «Вестнике ВНЦ» (2007. № 4. С. 2–12), повторяться не буду, ничего принципиально нового книга не содержит. В связи с историей лимеса затрагиваются отдельные сюжеты истории Закавказья. Не совсем понятно, зачем понадобилось отдельно выделять параграф «Римские легионы на страже Кавказского лимеса»: он вполне мог бы уместиться в предыдущем. Вывод о том, что «Каппадокия играла особую стратегическую роль, будучи главным военным плацдармом против Парфянского Ирана. Поэтому на ее территории было размещено несколько легионов. Ни одна другая восточная провинция не удостоивалась такой чести» (с. 96) – неверен. Главным военным плацдармом против Парфии была провинция Сирия, в которой стояло четыре легиона, в то время как в Каппадокии постоянно находилось

только два: в Мелитене и Сатале. Параграф «Народы Северного Кавказа в имперских играх на Ближнем Востоке» повествует о римско-сарматских (затем аланских) взаимоотношениях, причем в рассказ без особой связи включаются сарматы дунайские и северопричерноморские. Утверждение о том, что «первые столкновения римлян с аланами произошли во время похода Гнея Помпея в Закавказье (65 г. до н. э.)», неверно и основано на ошибочном (что доказано) чтении имени албанов как аланов (Alanos) в поэме Лукана «Фарсалия» (8. 223). В описании аланских походов в Закавказье 72–73, 135, 213 г. н. э. и других годов произвольно смешиваются данные античных достоверных источников и более поздние и более сомнительные закавказские (армянские, грузинские). Тезис о том, будто аланы, используемые правителями кавказской Иберии (Грузия), «являлись веским фактором сохранения и укрепления иберийской (т. е. древнегрузинской) государственности» в целом верен, но односторонен: аланы были достаточно самостоятельны и не раз выступали против иберийцев.

Глава 3-я называется «Военная сторона восточной политики Рима». В ней авторы в компилятивной манере собрали общеизвестные факты военной истории Рима и его противников. Параграф «Военное искусство римлян» почему-то начинается с легендарных времен – с реформ Сервия Туллия и Марка Фурия Камилла, при этом, как почти всегда, игнорируется новейшая литература, например, монография В.Н. Токмакова «Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н. э.)» (М., 1998). Далее идет банальный пересказ Галльских, Самнитских, Пунических и других войн, без выделения и обсуждения спорных проблем. Параграф «Военное искусство парфян, персов, сарматов и алан», призван удивлять объединением таких разных народов, как парфяне с персами (оседлые жители плодородных равнин) и сарматы с аланами (кочевники степей). При наличии общих черт (катафрактарии были как у парфян, так и у аланов) имелись и существенные различия в комплектации войска, в стратегии, в тактике. Парфянская тактика, как это принято, иллюстрируется битвой при Каррах 53 г. до н. э., сармато-аланская – битвой с парфянами 35 г. н. э. в описании Тацита. Военные успехи сарматов и аланов, надо сказать, несколько преувеличены. Некоторые небрежные формулировки просто непонятны, например: «сарматы и аланы, которые в отличие от своих азиатских “коллег” враждовали не только с Римом, но и с государствами Закавказья и Передней Азии, интегрируя (sic!) Северный Кавказ в большую имперскую игру на Ближнем Востоке» (стр. 152). Напротив: и парфяне, и персы враждовали с государствами Закавказья римской ориентации (в войске Траяна были иберийские отряды под командой царевича Амазаспа), а вот Передняя Азия, за исключением Закавказья, тем более – Ближний Восток, находились вне зоны аланских набегов. Какие «скифы» переняли в

первые века н. э. сарматскую стратегию и тактику (стр. 152), тоже хотелось бы узнать. В книге много общих слов, ставших уже штампами, о более значительной, чем у скифов, роли сармато-аланской тяжелой конницы, о защитном вооружении всадников, длинных мечах и столь же длинных пиках и т. д., но нет какой-либо попытки по-новому, с учетом современной литературы, взглянуть на проблему, чтобы разобраться в причинах такой эволюции военного дела аланов. Параграф «Катафрактарная революция в античном военном искусстве», мало связанный с предыдущим, пересказывает известную теорию А.М. Хазанова без сверки со свежими работами на эту тему В.П. Никонорова, А.В. Симоненко и автора этих строк.

Заключение содержит, в основном, повторение сказанного ранее, а отдельные новые замечания и положения только добавляют тумана в общую картину военной политики Рима на Востоке. «Катафрактарная кавалерия родилась у сарматов в столкновении с эллинистической фалангой» (с. 190) – здесь хотелось бы узнать: где и когда? В книге упоминался разгром легковооруженных роксоланов от фаланги Диофанта (с. 170), но ни одного описания боя сарматской тяжелой кавалерии с эллинистической фалангой источники не приводят. Сомнителен прием переноса характеристик современных армян на политолога А. Епифанцева на их древних соплеменников (с. 192) и последующее противопоставление армянского исторического пути иберийскому (грузинскому). «Таким образом, у иберов, в отличие от армян, выработался эффективный стереотип не этнического, а государственного поведения. Кстати, современные потомки иберов – грузины весьма успешно пользуются этим наследием предков, что свидетельствует о его высокой эффективности и жизнеспособности» (с. 193). Этой фразой, весьма своеобразно устанавливающей связь между прошлым и настоящим, и заканчивается книга.

Повторюсь, что она ни в коей мере не является научным исследованием. Я счел нужным сказать свое *saveat* во избежание худшего: распространения практики написания работ по древней истории без необходимых на то навыков, прежде всего – навыков работы с источниками. Но книгой, как можно полагать, все-таки будут пользоваться, возможно, даже в вузовском преподавании, хотя я ни в коем случае не рекомендую ее для студентов-историков. Такая уступка объясняется дефицитом литературы по теме. А дефицит литературы – следствие дефицита грамотных специалистов по древнему миру, при переизбытке специалистов по местной истории. Сложившуюся ситуацию надо менять – вот тот вывод, ради которого стоило писать эту рецензию.

С.М. Первалов,
кандидат исторических наук,
ст. н. с. СОИГСИ.